

Текст · 6 января 2025, 10:49

Кейт Маккуин,

Хороший предатель. История журналиста, который погиб, потому что был против войны

Его посадили в тюрьму за разглашение военной тайны, но он умудрялся даже оттуда писать пламенные антимилитаристские статьи и передавать их на волю. В лагере его изолировали от внешнего мира, издевались, пытали, но не смогли сломать — и тоталитарный режим его очень боялся. Чтобы спасти его от неминуемой гибели, друзья на воле придумали дерзкий план: пролоббировать вручение ему Нобелевской премии мира. Кейт Маккуин изложила историю легендарного немецкого журналиста и пацифиста Карла фон Осецкого в [статье](#) для *Atavist* — с разрешения издания «Медиазона» публикует ее перевод.

I

Когда Карл фон Осецкий первый раз отправлялся в тюрьму, его провожала толпа сторонников. Был солнечный вторник, май 1932 года. Несколько друзей сопровождали журналиста через весь Берлин. Повязав на машины черные, красные и золотые ленты, они стартовали от редакции *Weltbühne*^[1] — журнала левого толка, который возглавлял Осецкий. Они медленно ехали к тюрьме Тегель в северной части города, окутанные цветами флага Веймарской республики.

В лесистом парке рядом с воротами тюрьмы собралась сотня известных интеллектуалов, сочувствующих журналистов и других людей, которые хотели выразить свою поддержку. Толпа нарушала берлинский запрет на массовые собрания, который ввели, чтобы предотвратить жестокие столкновения между радикальными правыми и левыми группировками. Но писатель Курт Гроссман, секретарь пацифистской Лиги борьбы за права человека^[2], членом которой был Осецкий, убедил полицию полтора часа не вмешиваться в происходящее. У журналиста было достаточно времени, чтобы попрощаться с собравшимися. «Я не сдаюсь, — сказал он. — Как заключенный я остаюсь живым воплощением протеста против решения высшей судебной инстанции».

14 месяцами ранее 42-летнему редактору было предъявлено обвинение в государственной измене — за статью о том, что в нарушение Версальского договора происходит воссоздание немецких ВВС. После Первой мировой численность вооруженных сил, а также запасы техники и боеприпасов Германии были жестко ограничены. О том, что происходит с немецкими ВВС, не было широко известно до публикации *Weltbühne*. Военные в ответ обвинили Осецкого и автора статьи, авиаконструктора и журналиста Вальтера Крайзера, в предательстве.

При довольно скромном тираже *Weltbühne* его аудитория была весьма влиятельной: журнал читали ведущие политики и деятели культуры как в Германии, так и за ее пределами.

Министерство иностранных дел, предчувствуя международный скандал, было против преследования

журналистов, но прокуратура настояла на проведении закрытого судебного процесса. Два дня Осецкий и Крайзер сидели в огромном пустом зале и слушали выступления сторон. «Невероятно: такое представление — и без публики», — писал впоследствии Осецкий. Обвинение в итоге переквалифицировали на более мягкое «раскрытие военной тайны», а журналистов приговорили к полутора годам тюрьмы. Они должны были сами явиться для отбытия наказания не позже мая 1932 года. Крайзер бежал из Германии. Осецкий — остался.

Осси, как называли его друзья, был тихим мужчиной небольшого роста, с высоким лбом, узким и длинным носом и тончайшими губами. Его необычное лицо очень любили рисовать газетные карикатуристы. Во время беседы он чаще смотрел себе под ноги. В руке у него была неизменная сигарета, с которой он аккуратно стряхивал пепел. Скромность Осецкого вкупе с частицей «фон» в фамилии, которая обычно указывает на благородное происхождение, зачастую приводили к тому, что его принимали за аристократа. Но родился он в рабочем районе Гамбурга. С трудом закончив школу, он без особого энтузиазма работал клерком в городской администрации Гамбурга вплоть до 1914 года. Но, попав на Великую войну, он стал непоколебимым пацифистом — а еще в нем пробудился интерес к писательству. В 1919 году он переехал в Берлин, стал секретарем Германского общества мира^[3] и получил признание как политический комментатор, выступающий против милитаризма и за демократию.

Он был уверен, что журналисты должны быть «зеркалом времен» и «совестью сегодняшнего дня».

Неделю за неделей он публиковал страстные статьи. Его коллега Рудольф Арнхейм как-то сказал, что Осецкий был способен заинтересовать происходящим в стране даже самых аполитичных читателей, потому что «излагал свои мысли не на жаргоне, а языком, которым обычно описывают цветы, музыку и женщин». Он всеми силами пытался защитить новорожденную немецкую демократию, разрываемую на части радикальными политическими группировками. Он очень не хотел, чтобы юная республика умерла у него на глазах.

Возглавив в 1927 году *Weltbühne*, Осецкий дни и ночи проводил в заваленной бумагами редакции. Он был из тех редакторов, которые предпочитают вносить правки карандашом, а не красной ручкой — и никогда не забывают угостить наборщиков сосисками с пивом. Под его руководством *Weltbühne* стал печатать тексты всех представителей левой части политического спектра, что вызывало раздражение многих старых авторов, которые были настроены радикально. Журнал стал важной платформой для всех, кто придерживался левых взглядов, но не во всем совпадал с ведущими рабочими партиями Германии.

Одной из самых частых тем для обсуждения на страницах издания был немецкий милитаризм — первородный грех, который привел страну к Великой войне и открыл путь для зарождающегося фашизма. Из-за этого у журнала постоянно были проблемы. Еще до процесса над Осецким и Крайзером 1931 года на *Weltbühne* уже подавали в суд в связи с публикациями о Черном рейхсвере — праворадикальной военизированной организации, которая в 1920-е

занималась политическими убийствами. В своих статьях журнал призывал министерство юстиции расследовать эти преступления и изобличал военных, которые отрицали само существование подпольных вооруженных групп. Позже они настояли на еще одном иске против *Weltbühne*: за колонку с утверждением, что «солдаты — это убийцы».

Приговор Осецкому за разглашение военной тайны стал ударом для его друзей и почитателей.

Осужденные по громким политическим делам в Германии часто получали *Festungshaft* — «заключение в крепость», которое предполагало более мягкие условия, чем у прочих заключенных. Именно такое наказание было вынесено Адольфу Гитлеру после Пивного путча 1923 года. За решеткой ему были разрешены свидания, и именно там он написал *Mein Kampf*. Однако Осецкий должен был отбывать наказание в обычной тюрьме, вместе с ворами и убийцами. Многие немецкие левые возмущались: правосудие в стране слепо только на один, правый глаз.

Осецкий настаивал, что приговор полностью соответствует принципам его профессии. «Они могут осуждать нас: сегодня, завтра, послезавтра, [и] мы примем это, — писал он. — Но в результате станем более энергичными, острыми, въедливыми и жесткими. Потому что мы — журналисты». Его позиция вдохновляла многих коллег по цеху.

И хотя это не входило в его планы, но, благодаря его критике милитаризма и преследованиям со стороны властей, Осецкий также стал символом немецкого движения борьбы за мир — и противостояния

фашизму. «Если вы хотите эффективно бороться с развращенным духом нации, — сказал он как-то одному из авторов *Weltbühne*, — вы должны разделить ее судьбу».

В тот день, когда Осецкий явился в тюрьму для отбывания наказания, он дал обещание: когда друзья увидят его снова, он будет «освобожден, но не перекован». Сжимая в руке шляпу, он помахал собравшимся — и позволил краснокирпичной тюрьме поглотить себя.

Свежевыкрашенная камера напоминала Осецкому ванную комнату. Кормили в тюрьме весьма скудно. Курить он мог только с разрешения врача — и не больше десяти сигарет в день. Но в целом ситуация была не такой ужасной, говорил он своей жене Мод. По крайней мере, ему разрешалось читать и писать. Осецкий сочинял бесчисленные письма своим сторонникам и авторам *Weltbühne*. Он писал статьи, которые тайно выносили из Тегеля его адвокаты: эти тексты потом выходили под псевдонимом Томас Мурнер. А еще он постоянно просил о чем-нибудь Мод: книги, мыло, ланолин для бритья, шнурки, платки, нижнее белье. Иногда он просил бумагу, иногда — конверты.

Мод, миниатюрная англичанка индийского происхождения с огромными карими глазами, не умела действовать напролом. Многие просьбы Осецкого она передавала грубоватой, но чрезвычайно деятельной Хедвиг Хюнике — исполнительному директору *Weltbühne*, которую в редакции с любовью и трепетом называли «жестким корсетом» журнала.

Weltbühne продолжал работу благодаря Хюнике и Гельмуту фон Герлаху — близкому другу Осецкого и его давнему соратнику по борьбе за мир. Герлаху было за шестьдесят, но чувством юмора он обладал мальчишеским. В свои еженедельные колонки он вкладывал весь свой огромный опыт — помимо работы журналистом он много занимался политикой и был действующим на тот момент председателем немецкой Лиги борьбы за права человека. В отсутствие Осецкого под руководством Герлаха вышло 42 номера *Weltbühne*: в нем печаталась дюжина известных авторов-мужчин и несколько женщин, публиковавшихся под мужскими псевдонимами.

Одной из них была Милли Циркер, которая была очень близка с Герлахом. Она работала в газете *8 Uhr Abendblatt* ^[4] и писала политические колонки *Weltbühne* под именем Йоханнес Бюклер. По словам Герлаха, на деле она была не менее крута, чем на словах. Считается, что во время одного из антивоенных протестов, который привел к насилию, Циркер спасла ему жизнь. Еще одной похожей журналисткой *Weltbühne* была Хильда Вальтер, которая писала о профсоюзах и женском вопросе. Друзья описывали ее как человека напористого и самоуверенного, но лишённого всякого тщеславия. Она бывала груба, но всегда — честна.

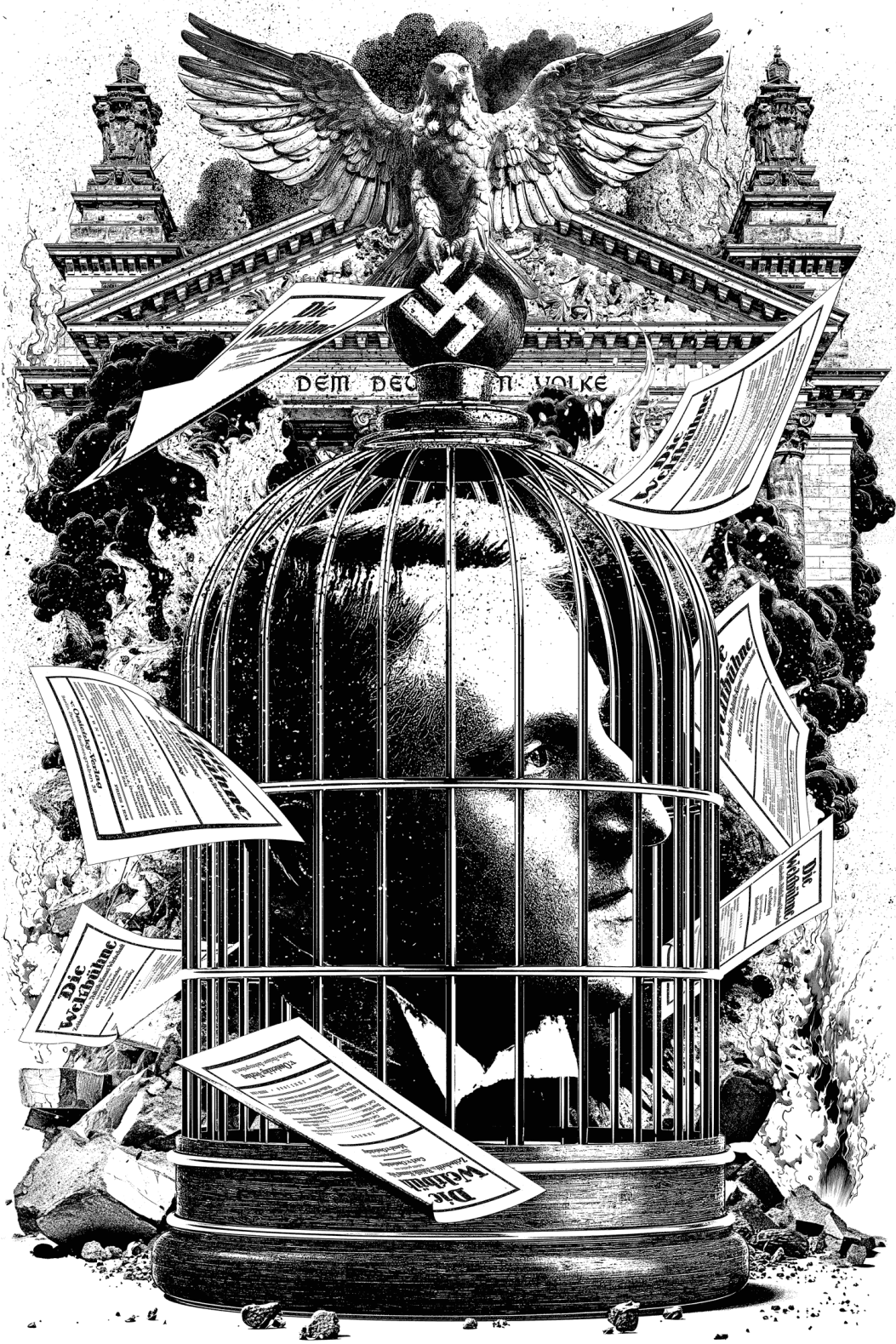

Иллюстрация: Gregori Saavedra / The Atavist Magazine

Weltbühne умудрялся не только оставаться на плаву, но также помогал Лиге борьбы за права человека и немецкому отделению ПЕН-Клуба собирать подписи под петицией о сокращении срока Осецкого. 42036 человек подписали прошение. Это особо не помогло, но журналиста все равно освободили досрочно: он попал под широкую амнистию, о которой странным образом удалось договориться нацистам, коммунистам и социал-демократам в парламенте. Осецкий вышел из Тегеля 22 декабря 1932 года, проведя за решеткой 7 месяцев и 12 дней. Но ему не суждено было долго оставаться на свободе.

Во второй раз тюремная система поглотила Осецкого ранним утром 28 февраля 1933 года. Гитлер стал рейхсканцлером за четыре недели до этого, но нацистам на тот момент не удалось получить большинство в парламенте. Выборы были назначены на 5 марта. Представители Лиги борьбы за права человека знали, что Осецкий есть в нацистских арестных списках, которые составлялись в ожидании полного установления власти НСДАП в стране. Берлинский прокурор Роберт Кемпнер, которому впоследствии предстояло стать обвинителем от США

на Нюрнбергском процессе, был одним из многих, кто пытался убедить Осецкого уехать. Журналист отвечал, что ему нужно всего несколько дней. Он хотел дожидаться окончания парламентских выборов.

Вечером 27 февраля Осецкий вместе с близкими друзьями слушал радиорепортаж о поджоге Рейхстага. Потом он вернулся домой к Мод. Они пытались уснуть, но ничего не получалось. Посреди ночи они все-таки встали и решили выпить кофе — как будто ждали стука в дверь, который и раздался в 3:30 утра.

Правительство Гитлера сразу же использовало пожар в Рейхстаге как повод для беспрецедентного расширения своих полномочий. Правоохранительным органам было приказано арестовывать несогласных. Полицейские пришли за социалистами, пацифистами, священниками, адвокатами, профессорами, художниками, журналистами и писателями. Под пристальным надзором двоих офицеров Осецкий оделся и сказал до смерти перепуганной Мод, чтобы она не волновалась: «Выше голову! Я скоро вернусь». Шокированная ночным происшествием Мод пыталась убедить себя, что ничего ужасного не случится — в конце концов, ее муж ни в чем не виноват.

Осецкого доставили в главное управление полиции на Александерплац. Коридоры были набиты «временно задержанными» людьми. Депутаты парламента и конституционные судьи, газетные редакторы и писатели, пацифисты и ученые — все стояли плечом к плечу. «Цвет культурного большевизма, — писал позже чешско-немецкий

журналист еврейского происхождения Эгон Эрвин Киш, социалист с татуировками во всю грудь. — Все друг друга знали, и каждый раз, когда полицейские притаскивали кого-нибудь еще, мы все горячо его приветствовали».

Охраняли собравшихся оживленные юноши со свастиками на рукавах. Они очень надменно вели себя с задержанными и перемежали приказы руганью. Ублюдки! Грязные свиньи! В конце концов они отконвоировали довольно большую группу людей в тесную камеру, расположенную в подвале здания.

На следующий день задержанных перевели в старое здание гауптвахты, которое было передано под нужды вновь сформированной тайной государственной полиции, более известной по сокращению — гестапо. Дни тянулись бесконечно долго. Осецкий в своих письмах к Мод старался держаться отважно. «Моя дражайшая Мод, — писал он. — Задержание прошло нормально; камера большая и просторная, охранники — вполне дружелюбные, так что жаловаться особо не на что. Не бойся, что у меня все плохо. Так или иначе, но я всегда приспосабливаюсь к обстоятельствам, в которых оказываюсь».

К 11 марта из камер уже шел поток людей, которых начали освобождать: люди со связями, мелкие (с точки зрения нацистов) сошки, иностранцы. Среди них был и Эгон Киш, которого тут же депортировали из страны.

Многие другие политические заключенные — и Осецкий в их числе — узнали о том, что готовит им судьба, лишь через три недели. Их заковали

в кандалы, набили в грузовики и отвезли на железнодорожную станцию. Там их погрузили в вагоны и отвезли на восток — в концлагерь.

II

Уже через нескольких дней после поджога Рейхстага ряды *Weltbühne* стали стремительно редеть. Журнал был запрещен к распространению, многие авторы бежали в соседние страны так быстро, как это только было возможно на поезде или автомобиле.

К середине марта кроме Хельги Хюнике и Хильды Вальтер у Осецкого больше не осталось друзей в Берлине, которые могли бы ему помогать. Женщины знали, что гестапо следит за ними. В первую неделю марта в редакции журнала прошел обыск, множество коробок с документами было конфисковано. Гестаповцы тщетно пытались выведать у Хюнике настоящие имена авторов журнала, писавших под псевдонимами. Они также нагрянули в квартиру Вальтер в *Künstlerkolonie* (Художественной колонии) — огромном комплексе в стиле ар-деко в берлинском районе Вильмерсдорф, предлагавшем доступное жилье левой интеллигенции. Полицейские оцепили главные улицы комплекса и использовали пожарные лестницы, чтобы пробраться в квартиры на верхних этажах через балконы. В ходе этого рейда были арестованы многие известные коммунисты, конфискована марксистская литература.

Вальтер чувствовала, что нацисты не воспринимают их с Хюнике всерьез. По крайней мере, пока. Они даже не арестовали ее — еврейку, либеральную журналистку и действующего члена

антифашистской Социал-демократической партии Германии. Вместе с Хюнике, которая еврейкой не была, они решили использовать свою относительную свободу, чтобы помогать Осецкому так долго, как это возможно.

Одной из серьезных проблем была ситуация Мод. Ее психическое здоровье пошатнулось. Она сильно пила, и Вальтер подозревала, что у Мод были галлюцинации, когда она рассказывала, что полиция обыскала ее дом. Хюнике и Вальтер решили отправить ее в какой-нибудь санаторий на озере в одном из пригородов Берлина. Потом они отправили Розалинду, 13-летнюю дочь Осецкого, в Англию. Чтобы не привлекать излишнего внимания к ее отъезду, Мод стояла на другом конце платформы и кивала плачущей девочке, когда отходил ее поезд.

На все нужны были деньги: уход за Мод, обучение Розалинды, передачи с едой, сигаретами и газетами, которых Осецкий смог добиться в тюрьме. Хюнике удалось извлечь часть средств, которые оставались в кассе *Weltbühne*, но этого было мало. Вместе с Вальтер они писали с просьбами о финансовой помощи немецким левым в эмиграции и сочувствующим англичанам и американцам. Они надеялись, что деньги помогут семье Осецкого оставаться на плаву. Но совсем скоро борьба развернулась уже за его жизнь.

Иллюстрация: Gregori Saavedra / The Atavist Magazine

Осецкий был одним из примерно 40 тысяч противников нацистского режима, арестованных в Пруссии — самой большой и густонаселенной германской земле — в первые несколько месяцев 1933 года. Чтобы разместить новых заключенных, нацисты реквизировали заброшенные фабрики, школы, армейские казармы, разрушающиеся замки и старые пенитенциарные учреждения. Тюрьму Зонненбург построили в первой половине XIX века и закрыли за пару лет до этого из-за чудовищной антисанитарии. В начале апреля ее пустующие камеры начали заполняться заключенными, которых везли из Берлина. Среди тысячи человек, отправленных в новообразованный концлагерь, оказался и Карл фон Осецкий.

Жители города, в котором располагался Зонненбург, наблюдали, как людей выгружали из поездов, били дубинками и заставляли маршировать к тюремному комплексу, распевая гимн Германии. В некоторых камерах не было даже нар и табуретов, так что заключенным приходилось лежать на холодном полу или сидеть, прислонившись к сырым заплесневелым стенам. Спать приходилось на охапках гнилой соломы.

Зонненбург находился в ведении гестапо, но охраняли концлагерь штурмовики СА-^[5] — коричневорубашечники. Самые преданные сторонники идей национал-социализма, они с удовольствием пользовались своей внесудебной властью. Узников лагеря постоянно заставляли петь нацистские песни, а четыре часа в день они проводили

за так называемыми «упражнениями»: лечь-встать. Заключенных доводили до полного изнеможения, а если кто-то из них падал от усталости в обморок, то в чувства их приводили пинком сапога в живот или ударом кулаком по лицу.

В этих условиях состояние здоровья Осецкого стремительно ухудшалось; зачастую он был настолько слаб, что не мог даже стоять на ногах. В знак протеста он ложился на землю, а пьяные офицеры СА избивали его и кричали: «Сдохни уже наконец, польская свинья!»

Нацисты считали Осецкого предателем из-за цикла статей *Weltbühne* о воссоздании немецкой армии, так что с ним обращались с особой жестокостью. Его заставляли рыть себе могилу, обещая скорый расстрел. Его постоянно заставляли чистить парашу в камерах — и нести ее через весь тюремный двор на уровне носа. Всего через шесть дней после прибытия в Зонненбург у него случился первый инфаркт.

В тех немногих письмах, которые Осецкий отправлял Мод, ничего этого не было — в конце концов, они должны были проходить тюремную цензуру. Но то, что удалось узнать о концлагере прессе, не внушало оптимизма. Журналисты из США и Англии проявляли особый интерес к исчезновению в Германии огромного числа людей левых взглядов. Благодаря свидетельствам узников Зонненбурга, которым удалось выйти на свободу или бежать, информация о тамошних пытках постепенно просачивалась наружу. Вскрывались все новые подробности. Например, заключенных, у которых

были вши, раздевали и выдергивали им с корнями лобковые волосы.

Репортеры требовали от властей Германии подтверждений того, что известные политзаключенные все еще живы. Наиболее отважные представители остатков независимой немецкой прессы писали статьи о Зонненбурге, постоянно упоминая при этом содержащегося там Осецкого. Среди них был и *Neue Weltbühne* — возрожденный в эмиграции журнал Осецкого, который сначала издавался в Вене, а затем в Праге.

Освещение в прессе, пусть и не очень заметное, крайне раздражало нацистов. Но режим Гитлера на тот момент стремился сохранять нормальные отношения с демократическим миром, и власти согласились время от времени пускать в лагерь журналистов. Среди тех, кто посетил Зонненбург в мае 1933 года, был корреспондент *Hearst Press Group* Хьюберт Ренфро Никербокер. Тощий рыжеволосый техасец был мастером интервью — он умел раскрутить даже таких людей, как нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс. После беседы с журналистом за обедом в марте 1932 года Геббельс писал в своем дневнике, что чувствовал себя «словно выжатый лимон». И тем не менее Никербокера позвали посмотреть на концлагерь — вместе с его коллегой, шефом берлинского бюро *Associated Press* Луи Лохнером.

Когда они приехали в Зонненбург, все камеры были открыты нараспашку. Заключенных заставили петь за работой народные песни, переделанные на фашистский лад. Журналистам разрешалось

задавать любые вопросы — но только в присутствии тюремщиков. Никто из узников не сказал ни единого дурного слова о лагере.

Никербокер и Лохнер давно приятельствовали с Осецким и специально его отыскиали. На их вопросы о том, как к нему относятся в Зонненбурге, он отвечал сухо и уклончиво. Затем Никербокер спросил, какие книги Осецкий хотел бы почитать, если бы представилась такая возможность. Лохнер отметил лукавую улыбку, которая пробежала по его губам. «Думаю, что-нибудь из истории Средних веков было бы весьма кстати», — осмелился сказать Осецкий.

В мае 1933 года ему впервые разрешили свидания с семьей. Хильда Вальтер одолжила машину, отвезла Мод в лагерь и проводила до входа для посетителей. Услышав фамилию «фон Осецкий», молодой охранник решил, что Мод принадлежит к высшей аристократии, а ее спутница — служанка. Он пропустил внутрь обеих женщин.

Оказавшись в комнате для свиданий, они видели, как Осецкий идет через пустынный тюремный двор. «Он двигался с огромным трудом, маленькими шагами, каждый из которых, очевидно, причинял ему боль, — писала впоследствии Хильда. — Руки были прижаты к телу и почти не двигались, словно были переломаны... шейные позвонки были стянуты серым армейским шарфом так туго, что он не мог повернуть голову даже на пару сантиметров влево или вправо». Он был худой как скелет, лицо неподвижно. Во время встречи они едва обменялись парой слов, и сердце Вальтер обливалось кровью.

«Как вы?» — спросили женщины.

Он отвечал монотонно, но с многозначительной паузой: «Все нормально... на данный момент».

В своих воспоминаниях 1950 года первый руководитель гестапо Рудольф Дильс писал, что, узнав от друзей и сторонников Осецкого об условиях его содержания, решил сам посетить концлагерь. Современники считали Дильса скорее оппортунистом, чем фанатиком. До 1933 года он работал в министерстве внутренних дел Пруссии и довольно много общался с чиновниками левых взглядов. Он не был склонен к жестокости, в отличие от многих своих подчиненных и штурмовиков СА. И он оказался совершенно не готов к тому, что увидел в Зонненбурге. Впоследствии он писал, что чувствовал себя там словно в чудовищном сне, от которого кровь стыла в жилах.

Прибыв в лагерь, Дильс первым делом потребовал, чтобы ему показали Вилли Каспера, представителя компартии в прусском правительстве. Его отвели в камеру, похожую на средневековую темницу. Охранники крикнули: «Внимание!» Заключенные в робах, которые уже успели превратиться в лохмотьях, медленно поднимались с пола. Дильс подумал, что их распухшие головы похожи на тыквы. Лица были желтые, зеленые, синие. Кожа — в волдырях и синяках. Каспер был не в состоянии говорить, лицо его было искажено гримасой боли. Когда Дильс увидел Осецкого, журналист, очень слабым голосом, все же смог выдать из себя просьбу: спасти его из этого ада.

В октябре 1933 года закрылся санаторий, где жила Мод — владелец-еврей эмигрировал, — и она переехала к дальней родне в Гамбург. В квартире Хильды Вальтер устраивали один обыск за другим. В ноябре гестапо изъяло письма, в которых она просила финансовой помощи для Осецкого. Хильда бежала в Париж. Из близких друзей на вражеской территории у Осецкого осталась только Хедвиг Хюнике.

Во Франции на тот момент было уже больше 59 тысяч беженцев из Германии, в том числе Гельмут фон Герлах и Милли Циркер. В Париже многие тяготели к богемному Монпарнасу и районам на левом берегу Сены. Кто-то селился в дешевых разрушающихся гостиницах, кто-то снимал меблированные комнаты в потрепанных рабочих кварталах. В большинстве своем беженцы жили крайне бедно, впроголодь.

Вальтер нашла комнату в доме №59 по улице Фруадво, напротив Монпарнасского кладбища. Совсем рядом, на улице Жана Долана, находилась крохотная контора немецкой Лиги борьбы за права человека, где расположились Герлах, Циркер и примкнувший к ним в качестве волонтера юный студент-юрист Конрад Райзнер. Циркер была секретаршей Герлаха и одновременно занимала ключевую позицию в Ассоциации немецких журналистов в изгнании.

Из Парижа все четверо — Герлах, Циркер, Вальтер и Райзнер — стали работать над спасением Осецкого. Для начала решили попробовать юридический путь. В начале 1934 года они попробовали нанять Альфонса Зака — близкого к нацистам адвоката, который, тем не менее, успешно защищал лидера парламентской

фракции коммунистов Эрнста Торглера в деле о поджоге Рейхстага. Однако Зак им отказал.

У Осецкого было много влиятельных сторонников в Лондоне — например, его бывший адвокат Рудольф Ольден с женой Икой, драматург Эрнст Толлер, пацифист и писатель Отто Леман-Русбюльдт. Все они пытались использовать негласные дипломатические каналы. С их помощью Герлах связался с графиней Фанни фон Виламовиц-Меллендорф, сестрой первой жены Германа Геринга, чтобы она пролоббировала через него амнистию для Осецкого. Но против этой идеи был Гитлер.

Лорд Понсонби, лидер лейбористов в британском парламенте, у которого были хорошие связи в посольстве Германии в Лондоне, снабжал друзей Осецкого информацией о его здоровье. Генри Уикхэм Стид, бывший главный редактор Times, опубликовал первое резонансное письмо в поддержку коллеги в своей бывшей газете. «Он являет собой живой символ протеста против тирании, — писал Стид. — И даже если надежд на его освобождение мало, я уверен, что он в полной мере заслужил сочувствие цивилизованного мира».

Ничто не помогало. Все дипломатические и юридические усилия были тщетны, как и общественная кампания. Осецкий оставался в Зонненбурге, и с каждым днем его состояние ухудшалось. Пытаясь предотвратить самое страшное, его друзья решили проявить изобретательность.

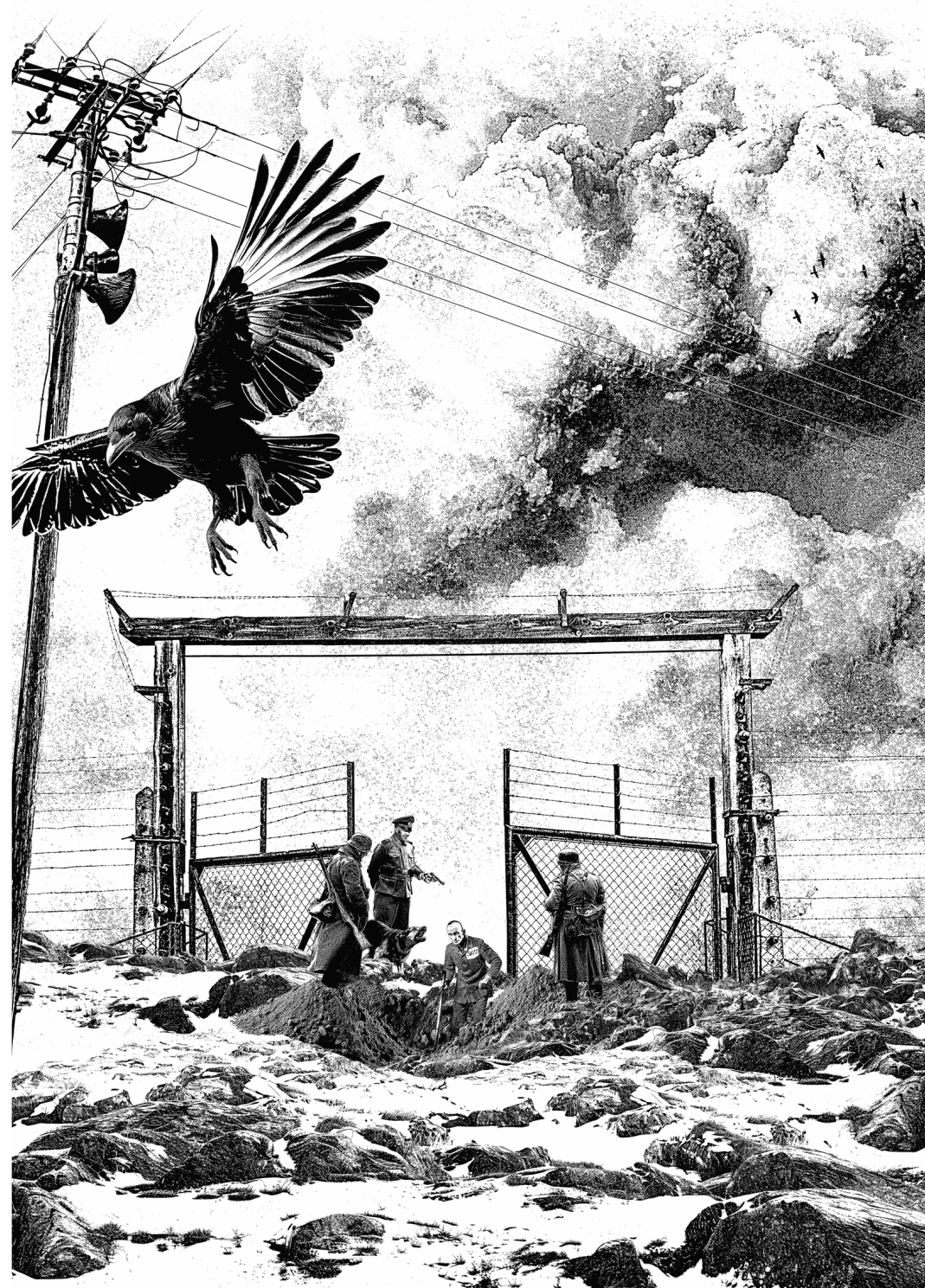

Иллюстрация: Gregori Saavedra / The Atavist Magazine

III

Впервые идея была сформулирована на страницах *Pariser Tageblatt* — газеты, которую издавали в Париже немецкие журналисты. 16 апреля 1934 года главный редактор издания Георг Бернхард написал, что Осецкого необходимо номинировать на Нобелевскую премию мира. За несколько дней до этого Нобелевский комитет заявил, что лауреатов за 1932 год не будет. В хаосе первой половины века подобное случалось довольно часто — восемь раз с тех пор, как в 1914-м началась Первая мировая война. Но пропускать еще один год, не напоминая, как важна борьба за мир, писал Бернхард, было бы огромной ошибкой. Он призывал Нобелевский комитет выйти за привычные рамки. Кандидатами на премию обычно становились подписанты различных соглашений, известные политики, основатели влиятельных международных организаций. Но почему бы не присудить премию тому, кто пострадал из-за того, что боролся за мир — кому-то вроде Осецкого?

Многие сторонники Осецкого сразу же поддержали эту идею — в надежде, что нацисты с большей вероятностью выпустят на свободу нобелевского лауреата. Вслед за Бернхардом колонку написал и Герлах: «Он был генеральным секретарем Германского общества мира, прежде чем стать журналистом... Как журналист он решительно отстаивал идею мира. Как редактор *Weltbühne* он вел борьбу против вооружения Германии в обход действующих мирных договоров».

Некоторые восприняли предложение как прямое руководство к действию. Через месяц после публикации колонки Бернхарда друг Осецкого Бертольд Якоб отправил заявку в Осло от страсбургского отделения немецкой Лиги борьбы за права человека. Курт Гроссман, который когда-то убедил полицейских разрешить Осецкому со сторонниками у ворот тюрьмы Тегель, отправил такую же заявку из Праги.

Обоим пришли вежливые отказы. Сроки подачи заявок в 1934 году уже прошли, к тому же, как им сообщили, номинировать кого-либо на Нобелевскую премию мира может очень ограниченный круг людей: лауреаты прошлых лет, члены международных судов, административных органов и признанных организаций, борющихся за мир, а также профессора юриспруденции, истории и философии. Если Якоб и Гроссман хотят добиться номинации Осецкого, им нужно отправлять заявку на следующий год, не позднее января, и заручиться поддержкой соответствующих людей или институций.

После того, как были получены эти отказы, у друзей Осецкого появился вполне осязаемый план действий. «Мы хотели, если это было возможно, спасти от смерти этого отважного и во всех смыслах исключительного человека», — писал годы спустя Райзнер. Разумеется, не было никаких гарантий, что Осецкого выпустят из тюрьмы, если он будет номинирован или даже получит Нобелевскую премию. Но это могло стать важным сигналом. «Нам выпала уникальная возможность дать звонкую пощечину ненавидимым и проклиняемым столь многими преступникам, которые захватили нашу страну», — писал Райзнер.

Впрочем, далеко не все сторонники Осецкого были убеждены, что игра с Нобелевским комитетом стоит свеч. Среди скептиков была и Вальтер. Она переживала, что Осецкий не так знаменит, как лауреаты прошлых лет, и потому понадобится приложить огромные усилия, чтобы привлечь на его сторону правильных людей. А еще она считала, что номинация может привести к обратному эффекту: шум, поднятый немецкими левыми, еще больше разозлит нацистов, и они выместят свою злобу на Осецком. А если они прознают, что за нобелевской кампанией стоят друзья журналиста, то легко смогут дискредитировать ее.

Вальтер все же согласилась участвовать, но с одним условием: нельзя, чтобы стало известно, что номинацию Осецкого инициировали его знакомые. Нужно, чтобы все выглядело естественным и независимым, широкая поддержка общественности и официальных лиц, в идеале — в странах, которые имеют определенное влияние на нацистов. Только

в этом случае есть шанс оказать на правительство Гитлера моральное давление и, возможно, добиться освобождения Осецкого.

Срок подачи его кандидатуры на Нобелевскую премию — уже через восемь месяцев, нужно было торопиться. Вальтер и Герлах задействовали свои американские контакты: они обратились к двум профессорам Принстона — Альберту Эйнштейну и Отто Натану. Эйнштейн, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, был видным деятелем Лиги борьбы за права человека, когда жил в Берлине. И хотя сам он не мог номинировать Осецкого, у него были широчайшие связи. Экономист Натан тоже имел большой вес в академической среде, а еще мог обеспечить финансовую сторону дела: нанять штатного организатора закулисной всей работы.

Неформальная группа из нескольких десятков человек, рассеянных по Европе и США, получила название *Freundeskreis Carl von Ossietzky*, то есть «Круг друзей Карла фон Осецкого». В нее входили: Герлах, Циркер и Райзнер в Париже, Гроссман — в Праге, Хюнике — в Берлине, Ольдены, Толлер и Леман-Русбюльдт — в Лондоне. Организатором на зарплате стала Хильда Вальтер.

К тому моменту, как «Круг друзей» начал свою работу, тюрьма в Зонненбурге уже закрылась, а узников перевели во вновь образованные трудовые лагеря. В феврале 1934 года Осецкий и сотни других заключенных прибыли в Эстервеген. Расположенный в 30 километрах неподалеку от границы с Нидерландами, он входил в целое созвездие нацистских лагерей, обустроенных в районе Эмсланд

в Нижней Саксонии. Заключение должны были обеспечивать масштабный проект по осушению 50 000 гектаров торфяников.

В деревянных бараках, возведенных в два стройных ряда вдоль центрального прохода, содержалось около тысячи человек. Эсэсовцы называли его Улицей Гитлера, заключенные — Улицей Печали. Каждое утро узников лагеря выстраивали в этом проходе, и они маршировали на залитые водой поля, рыли траншеи кирками и лопатами, минимум по 13 кубометров в день каждый. Тех, кто не вырабатывал ежедневную норму, ждало жестокое наказание. (Сами заключенные называли себя *Moorsoldaten*, «болотные солдаты», и это прозвище впоследствии закрепилось в массовой культуре. Их песни вскоре стали звучать на фронтах Гражданской войны в Испании — как символ сопротивления фашизму по всей Европе.)

Ослабленный чудовищным обращением в Зонненбурге, Осецкий в огромной степени полагался на помощь собратьев по несчастью. Заключение ласково называли его «Карлхен». Когда они работали на торфяниках, то ставили его в середину шеренги, чтобы соседи с обеих сторон помогали ему выполнять норму. Более крепкие заключенные выступали в роли живого щита — защищали Осецкого от избиений. Бывший таксист и боксер из Берлина по имени Георг Шмидт иногда следовал за журналистом как телохранитель, не выпуская его из поля зрения даже во время совсем коротких перекуров.

Однако хрупкий организм Осецкого часто давал сбои, и он неделями лежал в лазарете. В официальных лагерных документах ухудшение его состояние никак

не отражалось. За несколько дней до перевода журналиста в Эстервеген представители гестапо писали в МИД Германии, что его «здоровье, согласно профессиональному заключению лагерного врача, ни в коем случае не ухудшилось за время заключения, а скорее улучшилось». Семь месяцев спустя доктор в Эстервегене сделал аналогичное заключение: «Текущие заболевания: отсутствуют. Чувствует себя хорошо. До сих пор не имел жалоб... Здоров и трудоспособен. Никаких происшествий с его участием не зафиксировано».

Осецкого часто отправляли на хозяйственные работы. Он подметал бараки, убирал пыль, чистил картошку на кухне. Когда рядом не было охраны, он читал вслух газеты, пока кто-нибудь не шептал: «*Achtzehn!*» Немецкое числительное «восемнадцать» было созвучно слову *Achtung* («Внимание!»). Это был сигнал, что идут надзиратели.

Заклученным нравилось слушать Осецкого. Многие были из пролетарских семей и участвовали в рабочем движении, так что им доставляли особое удовольствие его красноречивые рассуждения о политике. «Это всякий раз был потрясающий опыт: говорить с ним, обсуждать самые разные предметы, задавать вопросы и иногда даже получать ответы на какие-то наши возражения, — вспоминал позже заключенный Хуберт Серве. — Он давал нам куда больше, чем мог получить взамен».

Иногда Осецкий обсуждал литературу с бывшими депутатами Рейхстага Теодором Хаубахом^[6]

и Вильгельмом Лейшнером^[7]. Они увлеченно беседовали — пока не раздавалось тихое:

Achtzehn!

Иногда они претворялись, что сидят в каком-нибудь из своих излюбленных мест на берлинском бульваре Курфюрстендамм. Например, встретились в отеле «Кемпински», заказали по ростбифу, а разделавшись с ним — переместились под своды «Романского кафе», чтобы пропустить по рюмке...

Achtzehn!

Даже в лазарете, окруженный истощенными лидерами социалистических партий, Осецкий пытался мрачно шутить: «Теперь, когда все мы собрались здесь, пора подумать о формировании временного правительства...»

Achtzehn!

Осецкий никому и ничего не рассказывал о своем пребывании в лагере — ни в письмах друзьям, ни в беседах с другими узниками. Он предпочитал обсуждать новости и политику. «Несмотря на его подорванное здоровье, он весь словно оживал», когда какой-нибудь предмет занимал его, вспоминал заключенный Альфред Бендер. Любые попытки развеяться и поболтать с ним о какой-нибудь легкой чепухе были обречены на провал.

С середины 1934-го до начала 1935 года кампания за выдвижение Осецкого на Нобелевскую премию набирала обороты. «Круг друзей»

рассылал сотни писем по всему миру: Франция, Англия, США, Норвегия, Швеция, Швейцария, Чехословакия. Письма-представления. Письма-просьбы. Письма-инструкции. Где-то эти письма могли конфисковать, где-то — перехватить на почте, где-то они могли попасть в чужие руки, и тогда нацисты прознали бы о планах «Круга друзей», а жизнь Осецкого оказалась бы под угрозой.

Координатор кампании, Хильда Вальтер, в общении была прямой, но осторожной. Она делала все, что было в ее силах, чтобы сохранять режим секретности, и призывала остальных поступать так же. Письма, которые она рассылала, были снабжены предупреждениями, со временем все более и более категоричными: «Секретно», «Чрезвычайно секретно», «Представляет внутренний интерес, но ни при каких обстоятельствах не может быть предано огласке», «Секретно! Читать в одиночестве!! Никому не показывать!!!» Вальтер прекрасно понимала, что главное — сохранять все усилия, которые предпринимаются для выдвижения Осецкого на Нобелевскую премию, в тайне от нацистов.

К сроку подачи заявки «Круг друзей» и его ближайшие советники подготовили сразу несколько номинаций. Эйнштейн, Натан и бывший главный редактор журнала *Nation* помогли рекрутировать для этой задачи Джейн Аддамс. Лауреатка Нобелевской премии мира 1931 года и основательница Международной женской лиги за мир и свободу, Аддамс также была одной из учредительниц Американского союза защиты гражданских свобод^[8].

. Вместе с ней номинировать Осецкого вызвались: политолог и профессор Лондонской школы

экономики Гарольд Ласки, немецкая феминистка и член правления Международного бюро мира Хелен Штекер, а также уже весьма пожилой Людвиг Квидде — бывший глава Германского общества мира и лауреат Нобелевской премии мира 1927 года. Квидде долго колебался. Как и Вальтер, он беспокоился, что шансы Осецкого выиграть премию не так уж и велики, а номинация может создать для него огромные риски.

Кроме того, Осецкого номинировал депутат швейцарского парламента Виктор Эмиль Шерер. «Ни один борец за мир не прошел через сопоставимые страдания», — написал он в своей заявке. И добавил, что было бы хорошо, «если бы Нобелевскую премию вручили не какому-нибудь премьер-министру или министру иностранных дел», а человеку, который проявил «истинную преданность своему делу и отвагу, находясь в очень опасном положении».

Обеспечив Осецкому несколько номинаций, Вальтер сосредоточилась на том, чтобы о нем узнало больше людей по всему миру, а в первую очередь — в Англии. Эта страна все еще тешила себя надеждой на то, что нацистскую Германию можно умиротворить, а потому номинация Осецкого, исходящая из Англии, выглядела бы менее политизированной. Сам Осецкий, который уже знал про план своих друзей, судя по всему, разделял эту точку зрения. «В целом, он выражал желание, чтобы все происходило, по возможности, в Англии, — писала Вальтер. — И чтобы публикации были необходимы не в нашей, а в буржуазной прессе».

Вальтер обратилась за помощью к журналистке Амабель Уильямс-Эллис, которая написала брошюру «В чем его преступление? Дело Карла фон Осецкого». Публикацию заметили и поддержали такие прославленные представители английской интеллигенции, как Олдос Хаксли, Бертран Рассел и Вирджиния Вульф.

Но временами участникам «Круга друзей» приходилось очень нелегко. В августе 1935 года скоропостижно скончался Гельмут фон Герлах. И даже самые ярые сторонники Осецкого опасались, что с номинацией ничего не получится. Вилли Брандт-^[9], в ту пору 21-летний активист Социалистической рабочей партии, бежал в Норвегию. В Осло он пытался подогреть интерес журналистского сообщества и норвежских парламентариев к делу Осецкого. Тем не менее, к концу сентября он признавался в одном из писем, что многие норвежцы считали: «О. недостаточно известен».

В октябре 1935 года швейцарскому дипломату Карлу Якобу Буркхардту удалось пробиться в Эстервеген от имени Международного Красного Креста. Во время своего визита Буркхардт попросил встречи с Осецким. Поначалу начальник лагеря ему отказал, но потом, с большой неохотой, все-таки уступил. Причина стала очевидна, когда двое надзирателей буквально вынесли из барака маленького хрупкого мужчину. Буркхардт стоял лицом к лицу с дрожащим, смертельно бледным Осецким. «Один глаз распух, зубы, судя по всему, выбиты, привлекает сломанную, явно плохо сросшуюся ногу», — вспоминал он позже.

Буркхардт сказал Осецкому, что приехал в лагерь как представитель Международного Красного Креста, но при этом еще и передать привет от его друзей: «Я здесь, чтобы помочь вам — насколько это возможно».

Поначалу Осецкий молчал. В глазах у него стояли слезы. Потом все же заговорил, хрипя и всхлипывая: «Спасибо, передайте моим друзьям, что мой конец уже близко. Скоро все кончится, осталось недолго. И это хорошо». А потом, выдержав паузу, добавил мягким голосом: «Спасибо».

В Эстервегене Буркхардт оставался до пяти вечера, когда возвращались с торфяников заключенные. Он увидел группу примерно из тридцати человек, «все сплошь осецкие, калеки, появлявшиеся из тьмы под светом лагерных фонарей».

Буркхардт написал отчет о своем визите нацистским властям. Он устроил все так, что один экземпляр был отправлен лично Гитлеру. Он намеревался сделать так, чтобы свидетельства о его визите и лагерных пытках обязательно сохранились.

Вальтер также получала известия от освобожденных из Эстервегена заключенных, которые потом перебирались в Берлин, Прагу или Париж. Ей рассказывали, что усилия «Круга друзей» иногда приводили к ухудшению положения Осецкого. «Говорят, он как-то передал жене: "Статьи, опубликованные за рубежом, причинили мне большой вред", — писала Вальтер. — Но позже он вроде бы пришел к мысли, что все скорее было к лучшему».

В письме Ике Ольден она настаивала: «Осецкий не был бы жив сегодня, если бы международное сообщество не проявляло к нему интерес». И в то же время высказывала опасения, что репрессивная машина нацистов позволит ему погибнуть, если интерес ослабнет. Решение Нобелевского комитета, писала она, может стать «смертным приговором Осецкому, если не принять достаточно предосторожностей».

IV

19 ноября 1935-го Нобелевский комитет объявил, что премия мира за этот год присуждаться не будет. Вне зависимости от того, какие сомнения их одолевали, Хильда Вальтер и другие сторонники Осецкого решили, что у них нет выбора, кроме как удвоить свои усилия по спасению его от смерти. Вальтер сразу же разместила объявления в крупнейших французских ежедневных газетах, *Le Temps* и *Le Populaire*, в которых было сказано, что Осецкого номинируют на премию снова, причем при поддержке «большого числа важных людей из Европы и Америки». Срок подачи заявок в Нобелевский комитет истекал всего через два месяца, в январе 1936 года.

В надежде привлечь максимально возможное внимание к положению Осецкого его парижские сторонники выпустили 22-страничную брошюру, искривуюся звездными именами. Помимо короткой биографии журналиста и описания ужасных условий заключенных Эстервегена, в ней были предисловия немецкого писателя Генриха Манна (старшего брата Томаса) и журналиста и историка Конрада Гейдена —

одного из первых хронистов нацистского режима. В приложении были опубликованы письма поддержки — в том числе от Эйнштейна, Уикхэма Стида и Ромена Роллана, обожаемого во Франции писателя и лауреата Нобелевской премии по литературе 1915 года. Сотни экземпляров брошюры отправили ученым и парламентариям в девять стран мира.

Вскоре номинации хлынули в Нобелевский комитет. Одну из них подписали 63 депутата французского парламента, и в ней было сказано: «Для миллионов людей по всему миру Осеский [sic] являет собой живой символ бесстрашной борьбы за мир». Лео Полак, профессор философии Гронингенского университета, написал: «В полном соответствии с духом премии, Карл фон Осецкий посвятил свою жизнь международному пацифизму — вплоть до мученической смерти».

Иллюстрация: Gregori Saavedra / The Atavist Magazine

Случайное стечение обстоятельств также помогло кампании. В 1936 году внимание всего мира было еще больше приковано к Германии, поскольку страна принимала летние и зимние Олимпийские игры. Нацисты надеялись, что соревнования позволят им показать свою «новую» страну. Но когда в феврале журналисты со всего мира начали съезжаться на зимнюю Олимпиаду, они не могли не заметить на

улицах городов чрезмерное присутствие военных и знаки, запрещающие вход евреям.

Тем временем здоровье Осецкого продолжало ухудшаться. Журналист коммунистической газеты *Rote Fabne*, который сидел в Эстервегене в 1936 году, был «поражен до глубины души», когда познакомился там с Осецким: «В стоге сена я увидел только глаза; он еле открывал рот, когда задавал мне короткие вопросы, — вспоминал впоследствии Влох. — Нужно было очень внимательно вслушиваться, чтобы понять его речь». Осецкий спросил, что происходит в Берлине, и сосредоточенно слушал, когда Влох рассказывал, что знал. «Он еще не утратил окончательно вкус к жизни, — писал Влох. — Но он понимал, как сложно будет вырваться живым из смертельной хватки СС».

В какой-то момент разговор пошел о случаях самоубийства в лагерях. «Выживем мы или нет — неизвестно, да и не в этом суть, — настаивал Осецкий. — Но очень важно, что будут потом думать о нас люди. Это и есть наше будущее. А значит, мы должны жить здесь, пока дышим. Германия, которая думает о нас, будет лучше как страна».

Номинация Осецкого на Нобелевскую премию мира освещалась в международной прессе все активнее, и нацисты начали беспокоиться — а не выиграет ли он. Сам Геббельс выступил по радио 12 марта 1936 года с гневной речью по этому поводу. «Было время, когда предательство считалось в обществе допустимым и даже модным, — орал он. — И до сих пор есть люди, которые предлагают награждать предателей.

Но мы рассматриваем предателей исключительно как преступников. А значит: голову ему с плеч!»

Через пару недель после речи Геббельса нидерландская пресса, основываясь на рассказе одного из узников Эстервегена, сообщила, что Осецкий при смерти. Новость перепечатала *New York Times*. В том же месяце инспектор концлагерей Теодор Эйке^[10] побывал в Эстервегене. В своей докладной записке он писал, что руководителю СС Генриху Гиммлеру следует знать: Осецкий может умереть в самое ближайшее время. Далее он рекомендовал оказать журналисту медицинскую помощь и непременно это задокументировать — на случай неминуемого общемирового возмущения смертью Осецкого.

Но вместо этого 28 мая нацисты перевели Осецкого из Эстервегена в тюремное крыло государственного полицейского госпиталя в Берлине. Там у него была диагностирована запущенная форма туберкулеза. Бактерии изрезали верхнюю долю его левого легкого глубокими некротическими дырами. В докладе Красному Кресту гестапо выдало его болезнь за тонзиллит. Нацисты также организовали интервью Осецкого с дружественным режиму датским журналистом Хансом-Вольфом Йергенсеном — прямо в тюремной палате. Йергенсен написал, что из лагеря Осецкий вышел другим человеком и встал на путь принятия национал-социализма.

А потом, всего за пару недель до того, как Нобелевский комитет должен был объявить о своем решении, Мод узнала, что гестапо планирует временно освободить ее мужа. Вальтер подозревала, что дело здесь в оптике:

нацистскому режиму было выгоднее, если премию получит «свободный [Осецкий], а не заключенный».

7 ноября Мод и Хюнике встречали Осецкого в штаб-квартире гестапо на улице Принца Альбрехта. Затаив дыхание, они наблюдали, как заполняются все необходимые для освобождения документы, а потом торопливо вышли на улицу и растворились в шумной толпе. Мод заметила тень сомнения на бледном лице Осецкого. Он провел в тюрьме три года и семь месяцев — как мог он поверить в свободу, которая шла так долго, а потом разом обрушилась на него?

Нацисты не оставляли попыток помешать Осецкому получить Нобелевскую премию. Сам Геринг вызвал его к себе и убеждал отозвать свою номинацию. Осецкий не уступал. Посол Германии в Норвегии Генрих Зам предупреждал Осло, что присуждение премии Осецкому будет воспринято его страной как враждебный акт — и ответ будет соответствующим. Но власть норвежского парламента была небезгранична: он выбирал членов Нобелевского комитета, но те не были подотчетны властям в своих решениях. Чтобы избежать возможного конфликта интересов, двое входивших в комитет политиков — бывший премьер и лидер Либеральной партии Йохан Мовинкель и министр иностранных дел Хальвдан Кут — сложили с себя полномочия.

К тому времени, как Нобелевский комитет должен был вынести свое решение, номинацию Осецкого поддержали около тысячи человек. В их числе были шестеро лауреатов премии мира прошлых лет, 69 депутатов норвежского парламента и 59 их коллег из

Швеции, которые предпочли немецкого журналиста своему собственному принцу, также выдвигавшемуся в тот год. Осецкий до сих пор остается рекордсменом по числу номинировавших его людей.

23 ноября Нобелевский комитет объявил о своем решении. Премия мира 1936 года была присуждена министру иностранных дел Аргентины Карлосу Сааведре Ламасу — за его миротворчество роль в разработке антивоенного договора, подписанного большинством стран Латинской Америки и США. Премию 1935 года комитет задним числом присудил Карлу фон Осецкому.

Немецкие СМИ в изгнании — и в первую очередь парижские — буквально взорвались праздничными заголовками. Новость была на первой полосе *Pariser Tageszeitung*, преемницы *Tageblatt*. А журнал *Neue Tage-Buch* назвал решение Нобелевского комитета «исключительным примером моральной отваги» в мире, где ее так прискорбно мало. Международная пресса реагировала более сдержанно: по определению *New York Times*, присуждение премии Осецкому было «пощечиной фашизму».

В самой же Германии, где прессу уверенно контролировали нацисты, случившееся трактовали как выпад против руководства страны. «Присуждение Нобелевской премии отъявленному предателю нации — это настолько наглая провокация и оскорбление новой Германии, что она получит соответствующую реакцию», — говорилось в кратком сообщении Немецкого новостного бюро. *Völkischer Beobachter*, официальный печатный орган НСДАП, хранил молчание на протяжении трех дней. Когда же

редакционная статья вышла, решение Нобелевского комитета было названо в ней нелепым. От него «можно умереть со смеху», писали редакторы газеты.

Тогда же Геббельс жаловался в своем дневнике: «Вчера — огромный резонанс в прессе из-за вручения Нобелевской премии Осецкому. Он будет лишен гражданства и ни один немец не примет больше Нобелевской премии». Но вместо этого Гитлер объявил о создании собственной награды — Германской национальной премии в области науки и искусства. Она вручалась на протяжении двух лет, и лауреатами стали семеро корифеев нацизма. Например, Альфред Розенберг — главный идеолог НСДАП (позже приговоренный к смерти в Нюрнберге), а также офицер СС Фердинанд Порше, которому Гитлер поручил спроектировать немецкий народный автомобиль, получивший известность как *Volkswagen*.

Участники «Круга друзей» тихо поздравляли друг друга. Каждый из них приложил огромные усилия для того, чтобы премия была присуждена Осецкому, но едва ли кто-то из них сделал больше, чем Хильда Вальтер. «Вы можете гордиться, — писал ей Конрад Гейден. — Насколько я могу судить, это в первую очередь ваша заслуга. Разумеется, остальные тоже постарались. Но если умение увидеть политическую возможность, концентрация на единственной цели, полная самоотдача и упорство до последнего вздоха превращают политическую идею в действие, то именно вы, вне всяких сомнений, воплотили это действие в жизнь».

V

Церемония вручения Нобелевской премии мира состоялась в Осло 10 декабря 1936 года. Ни Осецкий, ни Мод на ней не присутствовали — нацисты не выдали им необходимых для путешествия виз. Короля и кронпринца Норвегии тоже не было, равно как и послов Англии, Италии и Дании. Оркестр сыграл норвежский гимн, но не стал исполнять немецкий.

Профессор права Университета Осло и бывший министр юстиции Фредрик Станг вышел к весьма скромному собранию и от лица Нобелевского комитета произнес короткую речь о лауреате. Он начал с того, что Осецкий не принадлежит ни к одной политической партии и на него в целом трудно повесить какой-то один политический ярлык. Наверное, его можно назвать «либералом старой школы», который «горячо любит свободу мысли и самовыражения, твердо верит в свободную конкуренцию во всех духовных сферах, обладает широким международным кругозором, уважает ценности других наций, — но в первую очередь руководствуется идеей мира».

Станг признал, что Осецкий в первую очередь известен как журналист, но в полной мере заслужил награду, поскольку стал «символом борьбы за мир, а не просто ее радетелем».

«В религии, в политике, в делах общественных, в мире и в войне мы объединяемся вокруг символов. И мы понимаем, какую власть они имеют над нами, — сказал Станг. — Но Осецкий не просто символ. Он

являет собой нечто совсем иное и нечто куда большее. Он — воплощение поступка, и он — человек... Именно на этих основаниях и только на них ему присуждена Нобелевская премия мира».

Вальтер приехала в Осло, но скорее как посланница, а не почетная гостя. Она надеялась, что ей удастся убедить казначея Нобелевского фонда не переводить пока денежную часть премии — 163 849 норвежских крон или около 900 тысяч сегодняшних долларов — Осецкому в Германию. Вальтер и многие вместе с ней опасались, что деньги могут попасть в чужие руки. (Так в итоге и случилось: юрист, которого Мод наняла для сопровождения перевода, присвоил всю сумму себе и позже был осужден за мошенничество.)

В Осло было темно и холодно. Из-за забастовки гостиничных работников Вальтер остановилась дома у одного из местных журналистов, где ей пришлось спать в кровати одного из детей. В ее письмах к Милли Циркер в Париж чувствуется глубокая усталость. «Физические неудобства, недостаток сна, места, тепла и общего комфорта, причиняют мне большие страдания, — писала она, показывая свою слабость, что было для нее очень нехарактерно. — Руки и прочие места потрескались и распухли от холода». Другие пассажи в ее письмах кажутся намеренно туманными: «Много чего еще... было бы неплохо, если бы не страх близкого конца... Думаю, я могу с чистой совестью сказать, что лучше бы все устроить не получилось. Но это не значит, что в итоге нас ждет успех».

Вальтер не уточнила, что именно значит в данном случае успех — возможно, речь шла о том, чтобы

вывезти Осецких из Германии. Формально Карл фон Осецкий больше не был заключенным, но внутренние документы гестапо свидетельствуют: нацисты не собирались выпускать его из страны. Впрочем, какими бы ни были надежды Вальтер, он был слишком болен, чтобы куда-то ехать. В феврале 1937 года, через два месяца после того, как Нобелевский комитет поднял в его честь бокалы, Мод перебралась в его больничную палату. Вместе они прожили там 15 месяцев — и все это время за ними пристально наблюдало гестапо.

В этот период Осецкий писал письма дочери, которая на тот момент уже жила в Швеции: «В нашей здешней жизни абсолютно ничего не происходит; никаких новостей нет... Мы очень часто думаем о тебе, ты — главный предмет наших разговоров. Мне бы так хотелось больше узнать о тебе! Пиши нам, получать твои письма такое счастье. Целую, твой отец». Он читал английские детективы, в том числе «Мудрость отца Брауна^[11]» и «Тайну Ла-Манша^[12]». А еще ухаживал за маленьким желтым попугайчиком, которого ему подарила медсестра. Клетка стояла на тумбочке у его кровати.

Осецкий умер 4 мая 1938 года. Ему было 48. «Смерть Карла фон Осецкого — печальная утрата для Германии, в которую я продолжаю верить, — писал другу Эрнст Толлер. — Я знал его много лет. И он был одним из очень немногих людей, которые жили согласно собственным принципам».

Мод хотела выбить слова *in aeterna* на надгробии мужа, но гестапо запретило любые опознавательные знаки на его могиле. Они хотели, чтобы участок на

кладбище в районе Нидершенхаузен, где упокоился предатель, ставший мучеником, был анонимным. Чтобы паломники не могли найти путь к могиле Осецкого, а вечный мир никогда бы не настал.

Иллюстрация: Gregori Saavedra / The Atavist Magazine

Германия вторглась в Польшу 1 сентября 1939 года. Франция и Великобритания вступили в войну три дня спустя. Другьям Осецкого, которые бежали в Европу, нужно было искать новое убежище. Для Ольденов оно нашлось в США: нью-йоркская Новая школа социальных исследований предложила Рудольфу преподавательское место. 13 сентября 1940 года, вместе с 406 пассажирами и членами экипажа, они отчалили из Англии на лайнере «Город Бенарес». Немецкая подлодка потопила судно в 600 милях от берега. Больше половины людей, находившихся на борту, погибли — в том числе Ольдены.

Нужно было спасти парижских беженцев. Другья Осецкого провели несколько недель во французском лагере для интернированных, прежде чем про это узнали Чрезвычайный комитет по спасению и Американский комитет Друзей на службе обществу, две организации, созданные в США для помощи европейским антифашистам. К концу лета 1940 года удалось выбить визы и места на лайнере «Неа Хеллас» для Хильды Вальтер, Милли Циркер и Конрада Райзнера с женой и новорожденным ребенком, которому исполнилось 16 дней к началу

их путешествия. Судно отправлялось из Лиссабона, так что друзьям Осецкого пришлось бежать из Франции, пешком переходить Пиренеи и всю Испанию. Бертольд Якоб тоже предпринял попытку побега, но в Лиссабоне его перехватили оперативники СС и отправили в Берлин. Путешествие Курта Гроссмана было куда проще — он осел в Нью-Йорке и на протяжении всей войны помогал беженцам во Всемирном еврейском конгрессе.

Хедвиг Хюнике осталась в Берлине. Она пыталась свести концы с концами, подрабатывая в небольших издательских домах. А еще присматривала за пожилыми родителями уехавших коллег-евреев — пока их не отправили в лагеря смерти. Когда в ходе боев дом ее семьи был разрушен, она переехала в холодную промозглую комнату в коммунальной квартире на Ноллендорфплац. Сразу после войны она устроилась в отдел распространения только что созданной газеты *Tagesspiegel*, где и проработала до 1958 года, когда вышла на пенсию.

Хильда Вальтер приехала в Берлин в 1952 году. После войны город изменился до неузнаваемости, множество знакомых зданий было разрушено, и возвращающимся эмигрантам приходилось ориентироваться в районах своего детства по уличным знакам — словно туристам. Вальтер обосновавшись в прежде фешенебельной западной части города и снова начала писать статьи в немецкую прессу и работать над книгами. Иногда она встречалась со своей подругой детства, некогда знаменитой судебной репортеркой Габриэле Тергит. Они сидели в «Кафе Рейман», призрачном напоминании о прошлом, которое все еще работало

на Курфюрстендамм, и часто говорили об Осецком. Вальтер собирала все послевоенных статей о нем, которые попадались ей на глаза, и ее квартира была завалена папками с вырезками. Многие из этих текстов писала она сама.

В какой-то момент Вальтер раздумывала о том, чтобы написать более подробную версию истории Осецкого. В ее архиве, который хранится в Мюнхенском институте современной истории, среди напечатанных на дешевой бумаге писем и газетных вырезок, есть заявка на книгу. 30-страничный документ без даты содержит подробный и аккуратный план книги из 14 глав. Название *Der Preis für einen Friedenspreis* («Цена премии мира») предполагает подробное изложение закулисной историю нобелевской кампании. Но вместо этого Вальтер расписала довольно вялый план биографической книги.

Что же касается «Круга друзей», то в заявке он упоминается всего один раз, мельком, как «небольшая группа людей, обосновавшихся в Париже». В архиве Вальтер нет никаких следов переписки с издателями, так что неизвестно, отправляла ли она кому-нибудь эту заявку или нет.

Какова же была цена Нобелевской премии? Возможно, выбирая название для ненаписанной книги, Вальтер имела в виду страдания, через которые прошел Осецкий. Может быть, она намекала и на свои личные усилия, которые остались в большой степени незамеченными, чтобы создалось впечатление лавины международной поддержки,

а не тщательно спланированной политической кампании.

Вплоть до смерти Хильды Вальтер в 1976 году широкая публика почти ничего не знала о «Круге друзей». Даже Курт Гроссман, который опубликовал в 1963 году 600-страничную биографию Осецкого, рассказал в ней множество самых разных историй — но не эту. Лишь через полвека после смерти Осецкого, в 1988 году, Гамбургский университет устроил большую выставку, посвященную «Кругу друзей», и выпустил по ее следам книгу. В 1990 году в Лондонском университете был опубликован сборник писем из архива Ольденов, в котором раскрывалось еще больше подробностей.

К этому времени Осецкий уже был легендой. Его именем называли улицы, библиотеки и школы по всей Германии, его статуи стояли в парках. Он стал физической частью послевоенного пейзажа в стране, которая выбрала Вилли Брандта сначала мэром Берлина, а затем и федеральным канцлером.

Брандт не забыл про Вальтер. На ее 70-летние в 1965 году он вручил ей орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». В отличие от Нобелевской премии, эту награду, которую присуждают за труд на общественное благо, нельзя назвать мощным политическим орудием. С 1951 года, когда был учрежден орден, немецкие власти раздали больше 262 тысяч небольших красно-черно-золотых крестов. Число награжденных так велико, что никто даже не ведет их точный учет и не фиксирует, за что именно вручена награда.

Такое тихое признание наверняка было по душе Хильде Вальтер.

Автор: Кейт Маккуин

Оригинал: *[The Good Traitor](#)*, *The Atavist Magazine*, No. 128, 30 November 2024.

Перевод: Мика Голубовский

-
1. «Мировая сцена» — общественно-политический журнал, выходивший в Германии с 1905 года. Осецкий стал его главным редактором в мае 1927-го. Вскоре после прихода к власти НСДАП журнал был запрещен, в марте 1933-го вышел его последний номер.
 2. Основана в 1914 году, в разные годы в лигу входили Стефан Цвейг, Клара Цеткин и Альберт Эйнштейн.
 3. Одна из старейших немецких пацифистских организаций, основана в 1892 году.
 4. «Восьмичасовой вечерний листок» — вечерняя газета, выходившая в Германии с 1910 по 1938 год.
 5. Sturmabteilung, SA — боевая организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).
 6. Журналист, член Социал-демократической партии Германии. После освобождения из лагеря с середины 1930-х был активным участником Сопротивления. 23 января 1945 года казнен за участие в операции «Валькирия» — покушении на Адольфа Гитлера.
 7. Немецкий политик и профсоюзный деятель, после освобождения из лагеря в середине 1930-х — активный участник Сопротивления. Казнен 29 сентября 1944 года за участие в операции «Валькирия» — покушении на Адольфа Гитлера.
 8. American Civil Liberties Union (ACLU) — одна из крупнейших и самых авторитетных правозащитных организаций США.

9. Немецкий политик, председатель Социал-демократической партии Германии в 1964–1987 годах, канцлер ФРГ в 1969–1974 годах.
10. Обергруппенфюрер СС, один из создателей системы концентрационных лагерей в нацистской Германии, одним из организаторов Ночи длинных ножей, лично участвовавший в убийстве руководителя СА Эрнста Рема.
11. Сборник рассказов Гилберта Кита Честертона 1914 года.
12. Роман Фримена Уиллса Крофтса 1931 года.